

Интертекстуальный подход к анализу прозаического текста в старших классах на примере рассказа Л. Е. Улицкой «Большая дама с маленькой собачкой»

Н. В. Самсонова

Педагогический институт ИГУ, г. Иркутск

Аннотация.

В статье рассматривается интертекстуальный подход к анализу художественного произведения в старших классах, целесообразность которого объясняется особенностями текстового пространства XX–XXI вв., характеризующегося как интертекст. Интертекстуальность преломляет в себе, как в нравственно-эстетической призме, и мастерство писателя в создании произведения, и мастерство читателя, его интеллектуальное усилие по восстановлению смысловых связей, «уплотнённых» введением интертекстуальных элементов в целостное художественное единство. Современная картина русского постмодернизма в литературе представлена особым отношением писателей к классике. Литературно-художественные аллюзии в рассказе Л. Улицкой «Большая дама с маленькой собачкой» включают учащихся старших классов в интертекстуальную игру, благодаря которой у них формируется эстетический вкус, основы читательской культуры. Интертекстуальный подход к анализу художественного произведения – это способ понимания, позволяющий ёмко и энергично выявить множество смысловых оттенков в их художественном единстве.

Ключевые

слова:

интертекст, интертекстуальность, интертекстуальная игра, литературно-художественные аллюзии.

Прозаические произведения занимают большое место в школьной программе старших классов. Анализ прозы, на первый взгляд, легче, чем разбор произведений других жанров, особенно поэзии: более доступен язык, понятны художественные образы, приближенные

к реальности, а следовательно, проще выявить авторскую позицию.

Но в связи с изучением прозы возникают и некоторые дополнительные трудности в работе учителя-словесника. Именно здесь чаще всего допускается сведение содержания произведения к пересказу событийной канвы. В процессе так называемого изучения составляются формальные характеристики героев, а выяснение художественных особенностей произведения подчас выглядит как необязательное добавление к основному материалу урока. Крупные прозаические произведения приходится изучать в отрывках, что ещё больше затрудняет анализ романа или повести как единого целого.

Методика анализа прозаического произведения широко разработана в литературоведении (Т. Г. Браже, М. Г. Качурин, Н. А. Демидова, И. А. Подругина). За учителем остаётся свобода выбора методов и приёмов анализа исходя из «природы» произведения. По мнению известного методиста М. А. Рыбниковой, учитель призван не только удивить класс «новизной и свежестью материала», но и заставить учащихся «думать и действовать», а с этой целью нужно использовать «систему рассчитанных воздействий» [5, с. 288].

Нам думается, что интертекстуальный подход к анализу художественного произведения «потребует» от читателя активного участия в выработке смысла. Интертекстуальность, в большей степени присущая художественным текстам XX–XXI вв., преломляет в себе, как в нравственно-эстетической призме, и мастерство писателя в создании произведения, и мастерство читателя, его интеллектуальное усилие по усмотрению и восстановлению смысловых связей, «уплотнённых» введением интертекстуальных элементов в целостное художественное единство [7, с. 16].

Чем больше читателям-старшеклассникам под руководством учителя удастся обнаружить интертекстуальных элементов, вызывающих различные ассоциативные связи, тем более глубоко они постигнут эстетическое единство художественного произведения. При этом многие компоненты текста, которые казались случайными, изолированными, обретают в результате осознания роли и функции «чужого слова» осмысленную идейную и эстетическую связь, текст обретает большую слитность, связность, многие детали соединяются в цепь сквозных мотивов, взаимно высвечивающих друг в друге различные оттенки художественного смысла. Именно такой результат: углубление и расширение смысла текста – является преимуществом интертекстуального подхода к анализу художественного произведения.

Учителю-словеснику, знающему особенности восприятия прозаического текста учащимися старших классов, желательно помнить о том, что понимание отдельного произведения должно мыслиться как часть целого, как элемент литературного образования учащихся, как показатель их интеллектуального развития, социальной зрелости и эмоционально-эстетической восприимчивости.

Далее хотим предложить образец анализа художественного произведения, ориентированного на интертекстуальные интерпретации – на память живого слова.

Следуя терминологии Барта, текстовое пространство XX в. можно охарактеризовать как интертекст. А если говорить о писателях XXI в., то их взаимосвязь с постмодернизмом неоспорима. Современная картина русского постмодернизма в литературе представлена особым отношением писателей к классике. Произведения прошлого используются авторами как источник цитат, сюжетов и характеров, которые они каким-либо образом пытаются изменить, переделать и включить в поле своих текстов.

Проза Л. Е. Улицкой, так называемой постмодернистки, требует особого восприятия и эстетической оценки, поэтому при планировании урока, например, по рассказу «Большая дама с маленькой собачкой», учителю важно включить фрагменты, активизирующие мыслительную деятельность и воображение читателей-старшекласников.

С этой целью необходима эмоциональная установка на учебную задачу: заранее подготовленный к уроку ученик выразительно читает отрывок из рассказа (портрет главной героини). Этот приём выразительного чтения направлен на приближение читателей-старшекласников к авторской позиции.

Перед выразительным чтением отрывка учитель может предложить задание:

- *Рассказ Л. Улицкой называется «Большая дама с маленькой собачкой». Найдите ключевые слова, соответствующие «авторскому представлению»: «большая дама». Этот приём – «ключ» к тексту – начнёт своеобразную интертекстуальную игру, которая «вплетена» автором в текст рассказа. Ключевые слова «цепляют» сознание читателей и являются основными в процессе перевода кода внешней речи в код внутренней речи и наоборот, что и составляет основу восприятия и понимания текста.*

После обсуждения ответов учащихся, которые предположительно могут быть такими: «кавказская горская кровь»; «лошадиная фигура»; «имела в театре влияние»; «к ней в театре не были равнодушны».

Выделенные читателями «ключевые слова» помогут создать игровую задачу (учебную задачу), которая организует всех участников игры и определит правила их поведения.

Учитель формулирует игровую задачу: *докажите, что заголовок к рассказу «Большая дама с маленькой собачкой» и портрет главной героини – это начало «игры в классику», которую Л. Улицкая «затеяла» со своими читателями.*

Далее учитель «распределяет» роли: работа с текстом рассказа будет вестись в трёх группах:

- первая группа получает задание: *объяснить смысл заглавия рассказа, вспомнив произведение, с которым оно ассоциируется.*

- второй группе нужно будет *объяснить «внезапную» смерть героини и вспомнить традиционные трагические «аналоги» в русской литературе.*

- третья группа *выявит роль «маленькой собачки» Чучи в сюжете рассказа и найдёт её литературную «предшественницу».*

Учитель в процессе вдумчивого чтения текста будет играть роль помощника и знатока творчества Л. Улицкой. Каждой группе даётся время на обдумывание задания и подбор необходимых текстовых доказательств, после чего представители от групп дадут свои варианты ответов, которые могут дополняться остальными участниками игры. Работа учащихся с текстом позволит реализовать приём – игру «Узнай чужое слово». Этот приём изучения авторского стиля, с точки зрения В. Г. Маранцмана, позволит проверить интуитивное ощущение учениками «чужого слова» [3, с. 155].

В большинстве своих произведений Л. Е. Улицкая использует приёмы и учитывает тенденции, заданные литературе А. П. Чеховым, которого писатели-постмодернисты считают своим вдохновителем и чуть ли не предтечей постмодернизма (Б. Акунин, Э. Дрейцер, Л. Петрушевская, Ю. Кувалдин, А. Слаповский, С. Солоух).

Выдвинутый учителем тезис подтвердит и докажет первая группа.

Смысл заглавия рассказа невозможно объяснить, не обратившись к расска-

зу А. П. Чехова «Дама с собачкой». Можно сказать, что у рассказчицы Улицкой деформированное чеховское заглавие, которое получило особое звучание и значение в творчестве писательницы. Так она словно определила направление читательских ассоциаций и горизонт читательских ожиданий. Соотношение этих двух произведений позволяет увидеть скрытый диалог авторских позиций.

С одной стороны, заглавие текста вызывает ассоциации с чеховским рассказом, а с другой – позволяет оттолкнуться от текста-предшественника (предтекста, в терминологии Н. А. Фатеевой) и создать эффект обманутого читательского ожидания. Если для Чехова важен мужской взгляд на происходящее: Гуров по-настоящему влюбляется в Анну Сергеевну, которая страстно любила его, но одновременно переживает и измену мужу. Автор показывает внутреннюю жизнь героев. Прежний Гуров мог с лёгкостью обсуждать свои прежние романы, теперь же это невозможно, любовь нельзя выразить, нельзя понять. Улицкая сосредотачивает внимание на женском начале. Она занимает позицию стороннего наблюдателя, лишь фиксирующего события, словно пишет всего-навсего биографию героини.

Что же касается собачки в заглавиях обоих рассказов, то здесь тоже есть существенные различия. В чеховском рассказе первый взгляд был брошен Гуровым не на человека, а на его внешнюю оболочку: «Её выражение, платье, походку, причёску». Собака была её неотъемлемой частью, её продолжением. Чеховская женщина – настоящая дама: она обладала изящной походкой, красивой фигурой и обаянием, и собачка у неё – чистопородный белый шпиц.

У Улицкой «большая» дама и «маленькая» собачка – в эпитетах-антонимах видится явная ирония. «Большая», с «лошадиной фигурой» – разве может такая женщина быть дамой? И если у чеховской героини собака чистопородная, то у «большой дамы» Татьяны Сергеевны – Чуча, «чёрненькая, длинная и весёлая девочка, находящаяся в близком родстве со знаменитой Кляксой великого клоуна Карандаша».

Образ собачки в рассказах выступает в роли медиатора, который помогает людям сблизиться. У Чехова собачка – атрибут дамы, через который Гуров добывается расположения. У Улицкой собачка – подарок мужа, двойник своей хозяйки, искренне любящая ту, которая неспособна любить.

В названии рассказа Улицкой – аллюзия на чеховский заголовок. Это пример игры в названия, популярной в её творчестве. В её рассказах встречаются заглавия, отсылающие читателей к предтекстам («Пиковая дама» А. Пушкина, «Зверь» Н. Лескова, «Старший сын» А. Вампилова).

Вторая группа представит результаты своей работы.

Героиня Улицкой дамой называется только в заглавии. Автор утрирует образ «дамы», Татьяны Сергеевны. Создавая характеры, Л. Улицкая часто обращается к эстетике намёков и деталей, разработанной А. Чеховым. Ей важно показать внутренние качества героя через его внешние характеристики. Средством достижения данного эффекта является детализация портрета героев. Нередко для изображения портрета Чехов использовал приём, названный А. Кубасовым *анимализацией*. Суть этого приёма состоит «в придании герою скрытого или явного сходства с животным, птицей, насекомым». Так, в образе «большой дамы» много от лошади и львицы – *аллюзия на чеховский анимализм*.

Автор называет её таким именем, которое в переводе с древнегреческого означает «устроительница», «учредительница», что полностью отвечает описа-

нию женщины, всю жизнь что-то организовывавшей. Героиня эгоистична, способна из всех и каждого извлечь выгоду. Не раз в рассказе о Татьяне Сергеевне Улицкая употребляет глагол «использовать», который точно характеризует её натуру. Так, светская львица поручила безотказной Веточке, не умевшей шить вовсе, сотворить для неё за ночь две блузки. Благодарностью за проделанную почти титаническую работу было торжественное обещание дамы, что девушке «зачтётся».

И уж если мы обратились к рассказу Чехова, то возникает предположение, что у Татьяны Сергеевны больше общего с Гуровым. Оба отказались от искусства в пользу административных ролей; жизнь обоих – бытовая суэта: рестораны, юбилеи, премьеры, следование моде и т. д. А это напоминает футляр. И тут возникает ещё одна аллюзия на известный чеховский мотив футлярной жизни. Внешняя жизнь её также «футлярна», как и у Гурова: «арестантские роты», «сумасшедший дом», «оболочка». Не завоевав сцену, создаёт свой театр в жизни. Она режиссирует отношения в труппе, в семье, вовлекает в игру мужа, тщательно следит за своим «чуланчиком» – гардеробом, готовясь к каждому выходу в свет как к выступлению на сцене.

Заболев, Татьяна Сергеевна несколько лет живёт безвыездно, любимое место в квартире – «чуланчик»; подобно Беликову, она умирает, как только выходит из своего футляра, обретая другой – гроб. Возникает вопрос, почему героиня не переживает того же преображения, что и Гуров Чехова? Почему она умирает на любимом её сердцу одесском побережье?

Наверное, объяснение в том, что в рассказе у неё есть герой-близнец – Веточка. Если Татьяна Сергеевна, несостоявшаяся актриса, становится подражателем чужой жизни, то тихая, незаметная Веточка – творцом жизни. Татьяна Сергеевна распарывает свою блузку – прерывает свою жизнь, а Веточка шьёт ей погребальный саван, соединяя нити, возможно, для какой-то другой жизни, не случайно кусочек чёрного штапеля виден через окошечко в гробу.

Результат работы третьей группы тоже можно предположить.

В образе «маленькой собачки» Чучи содержится намёк на героиню рассказа И. С. Тургенева «Муму». «Большая дама» приобретает в рассказе черты «животного», а образ «маленькой собачки» Улицкая «очеловечивает». А это уже аллюзия на чеховскую очеловеченную характеристику животного. В рассказе «Большая дама и маленькая собачка» так же, как и в рассказах А. Чехова, происходит смешение анимализированных и очеловеченных характеристик. Вспоминаются его рассказы «Каштанка», «Хамелеон», в которых он с психологической точностью воссоздаёт характеры собак.

Актриса в жизни, Татьяна Сергеевна, находит своё природное воплощение в Чуче. И кличка собаки, и смерть героини, несомненно, отсылают к тексту Тургенева. Именно у Тургенева собака – это двойник героя. Всё лучшее в жизни Герасима было связано с Муму. Татьяна Сергеевна испытывала чувство любви только к Чуче. Болезнь собаки и хозяйки – это реакция природы на нарушение меры, на уход от жизни. В результате и театральный мир героини рушится. Смерть становится результатом разрыва культурного и природного начал.

Татьяна Сергеевна не смогла преодолеть в себе «театральщины», «искусственности», поэтому даже покровительство Веточке, развлечение с Чучей не перерастают в более глубокие чувства, даже смерть собаки, которая страшила Татьяну Сергеевну, была принята «гораздо спокойнее, чем ожидалось». Быт не перерастает в бытие: «Похороны были в Москве, а отпева-

ние в храме Ильи Обыденного».

Иной путь проходит Веточка: от ветеринарного училища до филологического факультета, завлита в театре и тайного увлечения диссидентами. Прежнее обожание покровительницы Татьяны Сергеевны уступает место критическому взгляду, однако её увлечение актрисой перерастает в любовь, в любовь-жалость. Её любовь – это служение Герасима. Одновременно Чуча – двойник не только Татьяны Сергеевны, но и Веточки. Она смиренно, тихо принимает смерть, «с нечеловеческой деликатностью», только чтобы не побеспокоить любимую хозяйку.

Сюжет рассказа сосредоточен на взаимоотношениях Татьяны Сергеевны и молодой девушки Веточки, которая её боготворила и, несмотря ни на что, выполняла все поручения и просьбы светской львицы. Л. Улицкая по-своему интерпретировала, продолжила чеховский рассказ о даме с собачкой, сосредоточив внимание на судьбе одной героини. Но вряд ли замысел автора был бы раскрыт сполна, если бы не её герои-двойники – Веточка и Чуча, – воплощение природы, естества, способности искренне любить, что было свойственно чеховским и тургеневским героям.

Так литературно-художественные аллюзии позволили выявить особенности авторского мироощущения и стилевой манеры.

Подходя к так называемому результату интертекстуальной игры, который предполагает рефлексию, учитель даёт творческое задание:

- *Подберите эпиграфы к рассказу Л. Улицкой.* Прокомментируйте их. Это задание позволит выявить умения старшеклассников выражать авторскую позицию через подбор эпиграфа из изученных ими ранее произведений, т. е. начатая в заглавии рассказа Улицкой интертекстуальная игра получит логичное завершение, ведь эпиграф такая же «сильная позиция» в композиционной структуре художественного произведения, что и его название.

Литературно-художественные аллюзии в рассказе Л. Улицкой, которые включили старшеклассников в интертекстуальную игру, делают произведения А. П. Чехова прецедентными. Мы считаем, что в процессе изучения такого рода художественных произведений у читателей формируются эстетический вкус и основы читательской культуры.

Интертекстуальные связи, обнаруживающие себя в параллельно существующих текстах, интересны как учителю-словеснику, так и ученику, и с точки зрения текстообразования, и с точки зрения текстопонимания. Заимствование «чужого слова» принимает самые разнообразные, иногда причудливые формы. И главное в этой игре «чужим словом» – усиление смысловой насыщенности текста, вхождение в общий контекст культуры.

Предлагаемый нами интертекстуальный подход к анализу – это способ понимания, позволяющий ёмко и энергично схватить множество смысловых оттенков в их художественном единстве.

Список литературы

1. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 253 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
3. Методика преподавания литературы : учеб. для пед. вузов. В 2 ч. Ч. 1. / под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана. – М. : Просвещение, ВЛАДОС, 1995. – С.

155–156.

4. Побивайло, О. В. Опыт мифопоэтического прочтения повести Л. Улицкой «Медея и её дети» / О. В. Побивайло // Культура и текст – 2005 : сб. науч. тр. межвуз. конф. В 3 т. Т. 1 / под ред. Г. П. Козубовской. – СПб. ; Самара ; Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 103–111.

5. Рыбникова, М. А. Очерки по методике литературного чтения : пособие для учителя / М. А. Рыбникова ; авт. предисл. З. А. Рез, Н. И. Кудряшев. – 4-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.

6. Улицкая, Л. Е. Люди нашего царя / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2005. – 416 с.

7. Фатеева, Н. А. «Интертекстуальность и её функции в художественном дискурсе» / Н. А. Фатеева // Изв. АН. Сер. лит. и яз., 1997. – Т. 56, № 5. – С. 12–21.

8. Чехов, А. П. Библиотека Всемирной литературы / А. П. Чехов – М. : Эксмо, 2012. – 656 с.



Intertextual Approach to Analyzing the Prose Text in High School on the Case of the Story “A Big Lady with a Little Dog” by L. E. Ulitskaya

N. V. Samsonova

Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. *The article discusses the intertextual approach to analyzing the literary works in high school, the expediency of which is explained by the peculiarities of the texts space of XX–XXI centuries, characterized as an intertext. Intertextuality refracts through the moral and aesthetic prism both the creative mastership of the writer and the reader’s skills and intellectual effort to restore the semantic connections, «compacted» with the introduction of intertextual elements in a holistic artistic unity. The modern picture of Russian Postmodernism in Literature presented by the special attitude of writers to the classics. The literary allusions in the story “A big lady with a little dog” by L. Ulitskaya involve students into the intertextual game, which helps to form an aesthetic taste and the basis of reading culture. The intertextual approach to the analysis of a literary work is a method of understanding, which allows one to reveal a wide variety of semantic nuances in their artistic unity.*

Keywords: *intertext, intertextuality, intertextual game, literary and artistic allusions.*

Самсонова
Наталья Владимировна

Аспирант

Педагогический институт, Иркутский государственный университет

*664011, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9
тел.: 8(3952)240700
e-mail: klimova-tu@yandex.ru*

Samsonova
Natalia Vladimirovna

Postgraduate Student

Pedagogical Institute, Irkutsk State University

*9 Sukhe-Batora St, Irkutsk, 664011
tel.: 8(3952)240700
e-mail: klimova-tu@yandex.ru*